

Глава №6 Ну, Пушкин... ну, погоди!

После уроков мы сразу побежали к Костику играть в новую компьютерную игру. Можно было и ко мне пойти, но у меня мама работала во вторую смену и пока ещё была дома. А когда играешь в новую компьютерную игру, совсем не хочется, чтобы мама была дома. Разве она даст нормально поиграть?

А вот у Костика как раз никого не было: бабушка уехала на три дня к приятельнице, папа был на сутках, а мама должна была прийти с работы поздно. Поэтому мы наигрались вдоволь, аж до пяти часов вечера, а потом я собрался домой. Я обещал папе выучить уроки до его прихода.

Я надел куртку и кроссовки и крутанул замок на входной двери. В нём что-то щёлкнуло. Костик почему-то испугался, кинулся к двери и стал возиться с замком. Мне было жарко стоять в куртке.

– Ну ты чего? – спросил я. – Дай выйти.

– Выйти?! Да ты сломал замок! – закричал Костик. – Теперь мы до мамы не сможем выйти!

– Я ничего не ломал! – закричал я в ответ. – Я его только немного покрутил.

– Вот именно, покрутил! Он и так у нас заедал, а ты его доломал!

Мы дёргали за дверную ручку, крутили замок, стучали по нему – всё было бесполезно. Потом Костик позвонил маме, и она обещала приехать пораньше. Часов в десять.

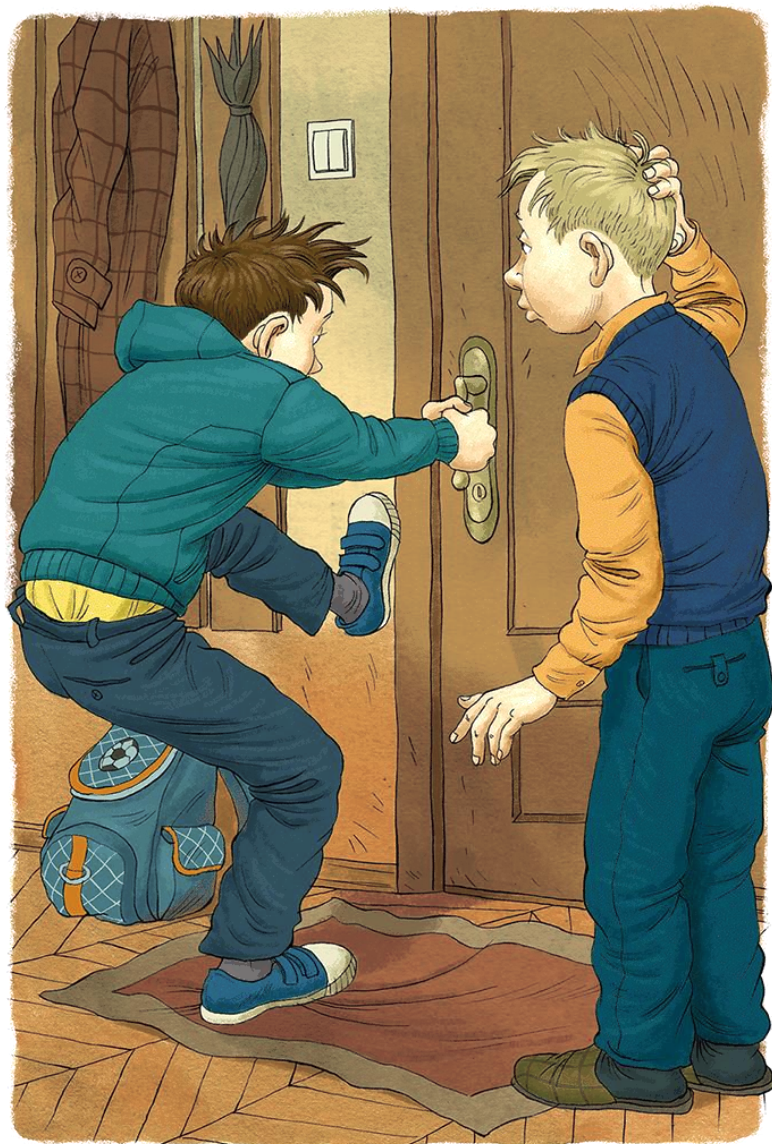
– Как в десять?! – воскликнул я. – У меня папа в семь придёт, а меня нет.

– Ну позвони ему, – сказал Костик. – Чтоб не беспокоился.

– А уроки я когда делать буду?

– Да хоть сейчас. Ранец же у тебя с собой.

Делать нечего, мы вернулись в комнату Костика и сели за уроки. Решили все примеры, написали упражнение по русскому языку, даже правило выучили. Как, оказывается, здорово готовить домашнее задание вместе! Не скучно, можно помогать друг другу, правила проверять. И ответы подсказывать.

– Ну вот, а ты боялся, – сказал Костик, когда мы закончили. – Вернёшься домой, а уроки все сделаны. Что там по чтению задали?

Я посмотрел в дневнике.

– Стих. На странице восемьдесят шесть.

– Сейчас мы и с ним быстро разберёмся. Давай учебник.

– Откуда у меня учебник? Я его не брал сегодня. Чтения же не было. Доставай свой.

Костик в замешательстве уставился на меня.

– А у меня его нет.

– Как это нет? – удивился я.

– Ну, я его на выходных у крёстной забыл, в другом городе. Она уже почтой выслала.

– А как ты без учебника?

– На прошлом уроке мне Светлана Алексеевна свой давала. А сегодня я хотел у тебя взять.

Мы посидели немного молча, потом Костик схватил свой телефон.

– У меня где-то номер Кузнецова был.

– Зачем тебе Кузнецов?

– Спрошу, что за стих.

Тут мне позвонила мама, и я долго с ней разговаривал, объяснял, что случилось. Хотя ей папа, наверное, всё уже подробно объяснил. Иначе откуда она узнала бы, что мы с Костиком заперты у него дома?

– Димыч, я всё узнал, – сказал мне Костик, когда я поговорил с мамой. – Сейчас мы этот стих найдём в интернете. Я гений, скажи?

И он стал стучать по клавишам.

– А что за стих-то? – спросил я.

– Да Пушкина, про какую-то Татьяну. Ой, гляди, сколько их! – ахнул он. Я посмотрел в монитор.

– Ага! И все про Татьяну. Какой из них наш?

– Не знаю, – почесал в затылке Костик и снова стал звонить Никите Кузнецову.

– Пусть прочитает первые строчки, – подсказал я. Костик поговорил с Кузнецовым и бросился к компьютеру.

– Ты запомнил строчки? – спросил я. – Скажи вслух, а то забудешь.

– Да какие строчки? Он сейчас на тренировке. Говорит, чтоб больше не отвлекали. Сказал только, что этот стих – отрывок из «Евгения Онегина».

– А что это – «Евгения Онегина»?

– Да откуда я знаю? Он так сказал: отрывок из «Евгения Онегина». Там что-то про Татьяну, зиму и снег.

– Ну ладно, давай искать.

И мы стали искать.

– Нашёл, – радостно выдохнул Костик минут через пять. – Похоже, что он. Слушай:

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С её холодной красою
Любила русскую зиму...*

– Костик, ты посмотри, какой стих огромный!

Мы стали крутить страницу вниз, а стихотворению не было конца.

– Кажись, это не то, – сказал я.

– Как же не то? – загорячился Костик. – Это Пушкин? Пушкин. Татьяна есть? Есть. Зима и снег тоже есть.

– Всё равно нам не могли так много задать, – упорствовал я.

– Кузнецов же сказал: отрывок. Значит, кусочек от этого огромного стиха, – пояснил Костик.

– Да? И где этот отрывок заканчивается? Докуда учить?

Мы снова стали звонить Кузнецову, но он не брал трубку.

– У кого бы ещё спросить? – спросил Костик.

– погоди, у меня вроде номер Майзли́на был, – сказал я.

– Майзли́на? Да он двух строчек выучить не может, – возразил Костик. – У него по чтению двойка.

– Ничего, по учебнику прочитает.

Илюха Майзли́н гулял на улице и домой возвращаться не хотел.

– Чего-то там про Пушкина, – сказал он. – И про его Татьяну Евгеньевну. Онегину, кажется.

– Послушай, вот это? – я прочитал ему первые строчки.

– Вроде это... Ну да, снег был. И зима была. Кажется.

– Ну хотя бы скажи, стих длинный?

– Ты шутишь? Да он огромный!

– Сколько строк? Десять? Двадцать?

– Да там все пятьдесят! Или даже сто! Василькин, отстань ты со своим стихом! Некогда мне.

И мы с Костиком стали учить стих. Мы учили его целых три часа с небольшими перерывами. К десяти вечера моя голова была как чугунная, и я чувствовал, что больше не могу запомнить ни слова. А мы дошли только до сорок второй строчки.

– Всё, я дальше не буду учить, – сказал я. – У меня сейчас голова треснет от этого Пушкина.

– Зачем он такие большие стихи писал? И вообще непонятно о чём, – сказал Костик. – Писал бы себе маленькие, лёгкие и не морочил детям голову.

– Наверно, за большие стихи больше платили.

– Нормально! Ему больше платили, а мы мучайся теперь!

В десять пятнадцать пришла мама Костика, но освободили нас только в одиннадцать. Пока бегали за слесарем, пока вскрывали дверь, пока я ждал папу... Домой я попал только в двенадцатом часу и сразу рухнул в постель. В учебник чтения даже не

заглянул. Мне уже было всё равно, сколько строчек мы недоучили.

– Давайте быстренько ответим стихотворение, прямо по списку, – сказала Светлана Алексеевна на первом уроке. – У нас большая тема по русскому, поэтому мы потратим на неё остаток этого урока. Бойко, к доске!

– А что, прям весь стих рассказывать? – мрачно спросил Костик.

– Ну конечно весь. Что за вопросы?

Костик пошёл к доске как приговорённый. Он ещё перед уроком сказал мне, что вообще ничего не помнит. Когда он начал читать, запинаясь на каждом слове, брови Светланы Алексеевны поползли вверх. Класс оживился и зашептался. Когда Костик доковылял до строчек: «Служанки со всего двора / Про барышень своих гадали...», Светлана Алексеевна не выдержала:

– Бойко! Что ты мне читаешь?

– Пушкина, – промямлил Костик.

– Понятно, что Пушкина. Что именно?

Я почуял неладное и стал быстро листать учебник Лизы Комаровой. Свой я так и оставил дома, в столе. Светлана Алексеевна заметила, что я завозился, и спросила:

– Василькин, какой отрывок я задавала?

Я сказал неуверенно:

– Из «Евгения Онегина».

– Я понимаю, что из «Евгения Онегина». Как он начинается?

Что я мог ответить? Я уже смекнул, что мы с Костиком всё-таки выучили не тот отрывок. А как начинается правильный, я не знал – не успел долистать до нужной страницы. Тут Тимур Валеев поднял руку, встал и начал рассказывать.

В тот год осенняя погода

Стояла долго на дворе,

Зимы ждала, ждала природа...

Я не мог поверить своим ушам. Это же про осень. И Татьяна встретила где-то только в середине, и снег всего один раз упоминается. И строк всего четырнадцать, выучить – раз плюнуть. А мы-то с Костиком мучились весь вечер, а теперь ещё и двойки получим. Мне стало так обидно, что я встал и сказал:

– Мы с Бойко перепутали, но мы же всё равно учили! Мы в три раза больше выучили, чем нужно! И

отрывки у нас огромные. Светлана Алексеевна! Мы же не виноваты!

– А кто виноват? Пушкин? – спросила Светлана Алексеевна. Все засмеялись.

– Да, Пушкин, – упрямо сказал я. – Зачем он столько похожих стихов про Татьяну и зиму написал? Ему что, одного не хватило?

Светлана Алексеевна не рассердилась, а тоже засмеялась. А потом объяснила, что Пушкин не писал много стихов про Татьяну. Он написал один большой роман в стихах, и называется он «Евгений Онегин». А Татьяна – это главная героиня. Роман делится на главы и отрывки, и эти отрывки мы учим в разных классах. Кузнецов и Майзлин сбили нас с толку, поэтому мы нашли не тот стих, да ещё не знали, где остановиться.

Светлана Алексеевна всё же разрешила нам рассказать наши отрывки, но предупредила, что снизит оценку на балл за невнимательность. Я получил четыре, а Костик – три с минусом. Оказалось, все сорок две строчки каким-то чудом удержались у меня в голове. Я вздохнул с облегчением, что всё так удачно закончилось. А Костик был, конечно, недоволен – тройка с минусом не намного лучше двойки. Возвращаясь за свою парту, он пробормотал с досадой:

– Третья тройка подряд... Ну, Пушкин...

– Ну, погоди! – закончила вместо него Светлана Алексеевна.

Весь класс ещё долго не мог успокоиться от смеха.

